

Легкий человек. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Легкий человек. Максим Горький

Утром, часов в шесть, ко мне на постель валится некая живая тяжесть, тормозит меня и орет прямо в ухо:

- Вставай!

Это - Сашка, наборщик, забавный мой товарищ, парень лет девятнадцати, рыжий, вихрастый, с зелеными глазами ящерицы и лицом, испачканным свинцовой пылью.

- Айда гулять! - кричит он, стаскивая меня с постели.- Кутнем сегодня, у меня - деньги, шесть двадцать, и - Степаха именинница! Где у тебя мыло?

Он идет в угол, к рукомойнику, ожесточенно моется, фыркает и, не умолкая, говорит:

- Слушай,- звезда - по-немецки - астра?

- Это, кажется, по-гречески.

- По-гречески? У нас, в газете, новая корректорша стихи печатает, подписывается - Астра. Фамилия у ней - Трушеникова, а зовут - Авдотья Васильевна. Хорошая дамочка,- красивая, только - очень толстая... Дай-ка гребенку...

Раздирая гребнем густую рыжую паклю на голове, он морщится, ругается и неожиданно, на полуслове, умолкает, внимательно рассматривая отражение своего лица в мутном стекле окна.

За окном, на кирпичной стене, мокрой от ночного дождя, играет солнце, красит стену. На воронке водосточной трубы сидит галка, чистит перья.

- Рожка у меня плохо выдумана,- говорит Сашка.- Гляди, какая галка нарядная! Дай-ка мне иглу с ниткой, я пуговицу пришью...

Он вертится, точно обожженный, так вертится, что ветер ходит, сдувая клочья бумаги со стола.

Потом, стоя у окна и неумело работая иглой,- спрашивает:

- Был такой король - Лодырь?

- Лотарь. Зачем он тебе?

- Смешно! Я думал - Лодырь, от него и пошли все лодыри! Сначала пойдем в трактир, чаю напьемся, потом - к поздней обедне в монастырь, на монахинек поглядим - люблю монахинек! А - перспектива - это что?

Он набит вопросами, как погремушка горохом. Объясняю ему, что такое перспектива, и он, не дослушав, рассказывает:

- Ночью в типографию ввалился этот - фельетонист,- Красное Домино, конечно - пьяненький, как баба, и - пристал ко мне: какие у тебя перспективы?

Пришив к пиджаку пуговицу выше, чем следовало, он перекусывает нитку белыми зубами, облизывает красные пухлые губы и жалобно бормочет:

- Лизочка верно говорит,- надобно читать книжки, а то - так и умрешь мужиком, ничего не зная. А - когда читать? Вот и некогда!

- Ты поменьше бегай за девицами...

- Али я - мертвый? Не старик же я! Погоди,- женюсь - перестану!

И, потягиваясь, он сладко мечтает:

Легкий человек. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Женюсь на Лизочке. Эх, и модница же! У нее, брат, платье есть эдакое - барежевое, что ли, - ух! До того она хороша в нем, что у меня даже ноги трясутся. Так бы всю и съел!

Играя роль солидного человека, я замечаю:

- Смотри, тебя не съели бы!

Он самонадеянно ухмыляется, встряхнув кудрями.

- Намедни у нас в газете студенты спорили: один говорит - любовь дело опасное, а другой - нет, безопасное! Ловкачи! Девицы студентов любят, всё равно как военных.

Выходим на улицу, - булыжники мостовой, омытые дождем, блестят, как черепа лысых чиновников. Небо загромождено клочьями снежно-белых облаков, среди облачных сугробов гуляет солнце. Крепкий осенний ветер гонит людей по улице, точно увядшие листья, толкает нас, свистит в ушах. Сашка ежится, засунув руки глубоко в карманы промасленных штанов, на нем легкий летний пиджачок, синяя рубаха, истоптанные рыжие сапоги.

По небу полуночи ангел летел

- читает он в такт шагам. - Люблю эту штуку! Который написал?

- Лермонтов.

- Я его всё с Некрасовым путаю.

И долго на свете томилась она,

Желанием чудным полна.

Прищурив зеленые глаза, он повторяет вполголоса, раздумчиво:

Желанием чудным полна...

- Ах ты, господи! Как я это понимаю хорошо! До того даже, что сам бы полетел... "желанием чудным"...

Из ворот угрюмого дома выходит девушка, празднично одетая, в юбке цвета "бордо", в черненькой кофточке со стеклярусом, в золотисто-шелковом платке.

Сашка, сорвав с головы измятый картуз, почтительно кланяется ей:

- С ангелом, барышня!

Милое круглое лицо девушки ласково улыбается, но тотчас же тонкие брови строго нахмурились и сердитый голосок полуиспуганно говорит:

- Я вас вовсе не знаю!

- Так это - ничего! - весело отвечает Сашка. - И всегда так: сначала не знают, потом - познакомятся и влюбятся...

- Если вы хотите озорничать... - говорит барышня, оглядываясь; улица пустынна, только далеко, в конце ее, едет воз капусты.

- Мы - смирные! - уверяет Сашка, идя обок с девушкой и заглядывая в лицо ей. - Вижу я, что вы именинница.

- Пожалуйста, отстаньте!

Четко щелкая каблуками по кирпичу панели, барышня идет быстрее, - Сашка приостановился и бормочет:

- Можно, отстал. Гордая какая! Эх, костюма нет у меня подходящего к характеру! Кабы другой костюм, так небойсь заинтересовалась бы.

- Ты почему узнал, что она именинница?

- А - как же? Выпялилась в самое лучшее свое и в церковь идет. Бедный я очень! Эхма, кабы денег тьма! Купил бы деревеньку да и жил помаленьку... Гля-ди-ко!

Четверо бородатых мужиков вынесли из переуллка некрашенный гроб, впереди их, с крышкой на голове, шагает мальчик, а сзади - высокий нищий, с посохом в руке; лицо у него суровое, каменное, идет он и, не отрываясь, смотрит красными глазами на серый нос покойника, высунутый из гроба.

- Плотник помер, - умозаключает Сашка, сняв картуз. - Упокой господи подальше от родных и знакомых!

И, улыбаясь во всю рожу, весело поблескивая неугасимыми глазами, Сашка объясняет:

- Покойника встретить - удачу сулит. Сворачивай!

Мы входим в трактир "Москва", в маленькую комнатку, тесно заставленную стульями и столами; на столах - розовые скатерти, на окнах - голубые выцветшие занавески и много цветов в горшках, над цветами - канарейки в клетках. Пестро, тепло и уютно.

Заказав жареной колбасы, чаю, полбутылки водки и десяток папирос "Персичан", - Сашка барином усаживается за стол у окна и рассуждает:

- Люблю жить вежливо, с уважением. Ты вот все рассуждаешь, то - не так, это - не так, а - почему? Всё - как надо. У тебя характер не человеческий, несогласный. Ты, брат, какой-то ер, - слово и без ера понятно, ну - для порядка, для красоты, что ли, - ставят ер в конце.

Пока он пробирает меня, я, глядя на него, думаю:

"Сколько жизни вмещено в этом парне! Человек, вместивший так много, не пройдет жизнь не замечен людьми".

А ему уже надоела проповедь, он взял нож и, шаркая им по тарелке, раздражает птиц. Комната оглашается пронзительными трелями канареек.

- Заорали! - удовлетворенно говорит Сашка, бросая нож, и, запустив пальцы в рыжие свои волосы, думает вслух:

- На Лизочке - не женишься, где там! Может, - так как-нибудь выйдет, влюбится она в меня? Я ее - без ума люблю!

- А Зина как же?

- Ну, - Зинка - простеха, а Лизочка - модница, - объясняет Сашка.

Он - сирота, подкидыш; семи лет он уже работал у скорняка, потом у водопроводчика, два года жил подручным на мельнице у монахов и уже второй год - наборщик. Работать в газете ему очень нравится. Грамоте он научился между делом, незаметно для себя, и грамота сильно тянет его к своим тайнам. Особенно любит он читать стихи и даже сам пишет, - иногда он приносит мне испачканные свинцом клочья бумаги, на ней вытянуты в правильные строчки каракули карандаша. Стихи всегда одного содержания и такой, приблизительно, формы:

я полюбил тебя с первого разу,

Как только увидал на Черном озере,

И все теперь думаю про твою красу,

Радость моя и мое горе!

Когда я говорю ему, что это еще не стихи, - он удивляется:

Легкий человек. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Отчего? Видишь - у, и здесь - у; здесь - е, и тут - е!

- А ты вспомни, как звучат стихи Лермонтова...

- Ну, так он долго учился, а я - только начал! Погоди, я тоже привыкну.

Его самонадеянность уморительная, но - в ней нет ничего неприятного. Просто он уверен, что жизнь влюблена в него, как прачка Степаха, он может делать всё, что хочет, и всюду его ждет успех.

Монастырский колокол неуверенно зовет к поздней обедне. Канарейки замолчали, прислушиваясь к звону, от которого дребезжат стекла в рамах.

Сашка бормочет:

- Идти к обедне али нет?

И решает:

- Идем!

Дорогой он жалобно возмущается:

- Скажи, пожалуйста, что за диво? Всегда в монастыре скучно мне, а ходить я туда все-таки люблю! Монахиньки эти, молоденькие, - жалко их!

В храме он становится у притвора, где стоят нищие и разные мытари; его зеленоватые глаза широко, удивленно раскрыты и смотрят на клирос, где стоит толпа белолицых клирошанок в острых шлычках. Все они - прямые и точно вырублены из черного камня. Поют согласно, и что-то удивительно чистое звучит в серебряных голосах. Блестит золото иконостаса, стекла киотов отражают огоньки свеч, похожие на золотых мух.

Вздыхают мытари и шепчут свои скромные молитвы, поднимая выцветшие глаза в купол храма. Будни, народа немного, пришли только те, кому нечего делать, некуда девать себя.

Впереди Сашки стоит, перебирая четки, большая монахиня в клобуке; Сашка - по плечо ей и привстает на цыпочки, чтоб заглянуть в ее круглое лицо, в невидимые ему глаза, - привстал и нахально заглядывает, полуоткрыв рот, как для поцелуя.

Монахиня, чуть наклонив голову, двигает шеей и смотрит на него, как сытая кошка на мыш; он сразу осел, дернул меня за рукав и вышел на паперть.

- Ух, как она поглядела на меня! - говорит он, испуганно закрыв глаза. Потом, вытащив картуз из кармана пиджака, оттирает им потное лицо и морщится.

- Уй, как она... словно я - чёрт! Даже сердце у меня екнуло! И смеется:

- Должно быть, солон ей пришелся наш брат!

Он - добрый, Сашка, но жалости к людям у него нет. Он может дать денег нищему больше и дает охотнее, чем богатый, но он дает потому, что не любит нищету. Маленькие драмы буден не вызывают его сочувствия, он рассказывает о них - смеясь:

- Знаешь, - Мишка Сизов в тюрьму попал! - говорит он оживленно. Ходил-ходил, искал-искал работы да и украл зонтик, его схватили, - не умеет воровать! К мировому. Я иду, - глядь, а его, как барана, будочник ведет. Морда бледная, губы распустил. Кричу: "Мишка!" А он молчит, будто не узнал меня.

Мы заходим в лавку, где Сашка покупает фунт мармеладу, объясняя мне:

- Надо бы Степахе кондитерский пирог купить, да я не люблю этих пирогов, мармалад - лучше!

Купив еще пряников и орехов, он заходит в винный погребок и покупает две бутылки наливки; одна цвета сурика, а другая - купоросного масла. Затем, шагая по улице

Легкий человек. Максим Горький gorkiymaxim.ru
с кульком под мышкой, он, на ходу, сочиняет историю монахини.

- Здоровенная женщина! Наверное - лавочницей была, обличье бакалейное. Вот, наверное, мужа-то обманывала! А он, поди, жиденский был... До чего эти бабы ловкие! Например - Степаха...

Но мы уже подошли к ворогам коричневого домика с зелеными ставнями. Сашка, хозяйским пинком ноги, открывает калитку и, ухарски сдвинув картуз набекрень, шествует по двору, засыпанному желтым листом березы, липы и бузины. В глубине двора, приткнувшись к забору сада, торчит баня, обложенная дерном до высоты окон. На крыше ее желто-зеленый мох, над крышей качаются ветви деревьев, неохотно роняя листья. Баня, похожая на жабу, смотрит на нас двумя окнами угрюмо и недоверчиво.

Нам открывает дверь дородная женщина лет сорока, с большим рябым лицом и веселыми глазами, ее крупные красные губы ласково улыбаются.

- Какие дорогие гости, - поет она, а Сашка, взяв ее за толстые плечи, говорит в лицо ей:

- Со днем ангела, Степанида Якимовна, и принявши святых тайн!

- Да я не причащалась!

- Ну, всё едино!

Он троекратно целует ее в губы, потом оба они отирают следы поцелуев, она - ладонью, а Сашка - тульей карту за.

В темном передбаннике, заставленном корчагами, корзинами и корытами, возится около самовара дочь Степахи. Паша, подросток; у нее большие, тупо изумленные глаза рахитика и чудесная толстая коса, нежно-золотистого цвета.

- С именинницей, Паня!

- Ладно, - отвечает девочка.

- Чучело! - внушает ей Степаха. - Надо сказать - благодарствую!

- Да - ладно! - с сердцем повторяет девочка.

Третью жилища прачки занимает большая печь; там, где когда-то был полук, стоит широкая кровать, в углу, под образами, стол, покрытый к чаю, у стены - широкая скамья, на нее удобно поставить корыто. В открытое окно смотрит глазами нищей мохнатая собака, положив на подоконник тяжелые лапы со сломанными когтями; на окнах - горшки герани и фуксии.

- Умеет жить, - говорит Сашка, оглядывая убогую комнату, и подмигивает мне: дескать - это я шучу!

Хозяйка озабоченно вынимает из печи пирог и щелкает ногтем по его румяной корке. Паша вносит самовар, светлый, как солнце, и угрюмо косится в сторону Сашки, а он говорит, облизывая губы:

- Чёрт! Надо мне жениться - люблю пироги!

- Женятся не ради пирогов, - разумно замечает Степаха.

- Я понимаю!

Полногрудая прачка весело смеется, но глаза ее смотрят серьезно, когда она говорит:

- Успеешь жениться, и меня забыть успеешь.

- А ты скольких забыла? - спрашивает Сашка, ухмыляясь.

Степаха тоже улыбается; одетая пестро не по годам, она похожа не на прачку, а на
Страница 5

Легкий человек. Максим Горький gorkiymaxim.ru
сваху, на гадалку.

Дочь же ее, точно тихий гномик грустной сказки, лишняя среди нас да, кажется, и вообще лишняя на земле. Ест она осторожно, точно это не пирог, а костистая рыба. И почти каждую минуту ее большущие глаза медленно передвигаются в сторону Сашки; на его тонкое, подвижное лицо девочка смотрит странно, как слепая.

Под окном просительно и тихо ноет собака, с улицы доносится медная военная музыка, мерный, тяжкий топот сотен ног, большой барабан глухо отбивает такт марша.

Степаха говорит дочери:

- Что не бежишь на солдат глядеть?

- Не хочу.

- Славно! - восклицает Сашка, бросая собаке корку пирога.- Как будто ничего больше и не надо мне!

Степаха смотрит на него глазами матери, оправляя кофту на высокой груди.

- Ну, и - врешь,- говорит она, вздохнув.- Тебе много надо...

- Я - не вру, это я про сейчас сказал,- сейчас мне ничего не надо; вот только Панька не ковыряла бы меня глазами.

- Больно нужно мне,- тихо и презрительно заметила девочка; мать ее сердито сдвигает брови, но - молчит, поджав губы.

Сашка беспокойно передернулся, искоса поглядел на девочку и заговорил горячо:

- Есть у меня какая-то дыра в душе, ей-богу! Хочется, чтоб душа была полна, спокойна, а я ничем не могу ее набить! Ты понимаешь, Максимыч, когда мне нехорошо, так я хочу, чтоб было хорошо, а добьюсь хорошего часа, так мне делается скушно! Отчего это?

Ему уже "сделалось скушно", я вижу это: живые глаза его беспокойно бегают по комнате, щупая ее убожество, в них горят едкие критические огоньки. Ясно, что он чувствует себя человеком, который попал не на свое место, но только сейчас догадался об этом.

Он пламенно говорит о беспорядке жизни, о слепоте людей, которые не видят этого обидного беспорядка, привыкли к нему. Мысли его мечутся, как испуганные мыши, и трудно следить за их быстрой путаницей.

- Неправильно поставлено всё,- вот что я вижу! Стоит церковь, а рядом - пес знает что! Иннокентий Васильевич Земсков стихи печатает, пишет:

Благодарю за те мгновенья,

что освещают сердца тьму,

за сладкий миг прикосновенья

к святому телу твоему,

- а сам у сестры неправильно дом отсудил и наемни горничную свою, Настю, за козу драл...

- За что? - спрашивает Степаха, разглядывая свои стертые руки, красные, как лапы гусыни; лицо у нее каменное, глаза она прячет.

- Не знаю за что... Та хотела даже к мировому подать, ну - он дал ей три рубля,- отказалась. Дура!

Сашка неожиданно вскакивает со стула.

Легкий человек. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Ну, нам пора идти!

- Куда? - спрашивает хозяйка.

- Дело есть,- врет Сашка.- Вечером я приду...

Он протягивает руку Паше, та смотрит на его пальцы, несколько секунд не решается коснуться их, потом пожимает руку Сашке так, точно отталкивает ее.

Уходим. На дворе Сашка бормочет, туго натягивая картуз:

- Чёрт... Не любит меня девчушка... Да и мне стыдно пред нею. Не приду я вечером...

Неприятные мысли точно сыпью выходят на его лицо, он краснеет.

- Надобно бросить Степаху,- это нехорошее баловство! И вдвое старше она меня, и всё...

Но, свернув за угол улицы, он уже ухмыляется и размышляет тепло, без тени хвастовства:

- Любит она меня, как цветок холит, ей-богу, право! Даже - совестно. До того иной раз хорошо с ней... лучше матери родной! Замечательно. Эх, бабы,- знаешь, брат, трудно с ними! Хороший народ, между прочим... Очень много надо любить их... а - разве угодишь на всех?

- Так ты бы хоть одну хорошо полюбил,- предлагаю я.

- Одну, одну,- задумчиво ворчит он.- Попробуй-ка одну-то...

Он смотрит в даль, за синюю полосу реки, на рыжие луга, на черный, встрепанный осенним ветром кустарник, бедненько одетый золотом листьев. Лицо Сашки - мило-задумчивое, видно, что он по горло сыт приятными воспоминаниями и они играют на душе его, как лучи солнца на воде ручья.

- Сядем,- предлагает он, остановясь у глинистого обрыва, за стеною монастыря.

Ветер гонит клочья облаков, по лугам летят тени; на реке стучит рыбак, конопатит лодку.

- Слушай,- говорит Сашка,- давай поедем в Астрахань?

- Зачем?

- Так. А то - в Москву?

- А как же - Лиза?

- Лиза... н-да-а...

И, в упор глядя на меня, спрашивает:

- Влюбился я в нее али нет еще?

- Ты бы околоточного спросил об этом.

Он хохочет; смех у него легкий, ребячий. Взглянул на солнце, на тени и вскакивает на ноги.

- Сейчас конфетчицы выйдут, - айда!

Он быстро шагает в улицу, озабоченный, засунув руки в карманы, нахлобучив картуз на глаза. Из ворот одноэтажного, казарменной постройки, дома одна за другою шумно выбегают девицы в платочках и серых передниках. Вот и Зина, стройная брюнетка с монгольским лицом и раскосыми глазами, в красной кофте, туго охватывающей ее бюст.

Легкий человек. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Идем кофе пить,- говорит Сашка, хватая ее за руку, и сразу же торопливо начинает:

- Неужто ты все-таки выйдешь за эту плешивую собаку? Ведь он тебя ревновать будет...

- Всякий муж должен ревновать,- серьезно говорит Зина.- А что - за тебя идти?

- И за меня - не надо!

- Брось,- говорит девица, хмурясь.- Что не работаешь?

- Гуляю.

- Эх ты... Не хочу я кофею

- Вот еще! - восклицает Сашка, увлекаемая ее за собою в дверь булочной; там, сидя у окна за маленьким столиком, он спрашивает Зину:

- Ты мне веришь?

- Верю всякому зверю, лисе и ежу, а тебе - погожу! - медленно отвечает конфетчица.

- Ну, тогда я пропал через тебя!

Сашка уверен, что в эту минуту он переживает сердечную драму,- губы у него дрожат, глаза увлажнены, он - искренно взволнован.

- Ну,- пропал я, утопился в своих слезах, ладно, туда мне и дорога, если я не умею счастья поймать. Только и тебе сладко не будет! Уж я тебе покою не дам. Пускай он - домохозяин и лошади у него, ну, а ты - ни куска не съешь, меня не вспомнив! Так и знай...

- Пора перестать мне в куклы играть,- тихо и сердито говорит конфетчица.

- Я для тебя - кукла, да?

- Не про тебя сказано.

- Вот, Максимыч, гляди на них! Змеиная порода, никакого чувства нет. Ужалит в сердце, ты - страдаешь, а она говорит: ах ты, кукла!

Сашка возмущен, у него даже руки дрожат, а глаза гневно потемнели.

- Как жить с эдакими? - спрашивает он.

"Хороший актер",- думаю я, наблюдая за ним почти с восхищением.

Его игра явно подкупает конфетчицу, трогает ее; вытерев губы уголком платка, она ласково спрашивает:

- В воскресенье ты свободен?

- От - чего? От тебя?

- Не дури... Поди-ка сюда...

Они отходят в сторону, и Сашка, сверкая глазами, вполголоса, пламенно и долго говорит что-то, а девица восклицает раздраженно и тоскливо:

- Господи! Да какой же ты муж?

- Я? - кричит Сашка.- Вот какой!

И, не стесняясь соседней булочницы, быстро и крепко обняв девушку, он целует ее в губы.

Легкий человек. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Что ты? - пугливо и сконфуженно вскакивает она, вырываясь. Сумасшедший...

Она птицей вылетела за дверь, а Сашка, устало присаживаясь к столу, говорит, неодобрительно качая головой:

- Ну - характер! Зверь, а не девица.

- Чего тебе надо от нее?

- Не хочу, чтобы она выходила за плешивого кучера! Безобразие какое... Не могу, не люблю я этого!

Допив остывший кофе, он, видимо, уже забыл пережитую драму и лирически рассуждает:

- Знаешь, - в праздник ли или в будни, когда девицы кучей идут куда-нибудь, - гуляют или с работы, из гимназий, - так у меня даже сердце дрожит! Господи боже, думаю, сколько их! И ведь каждая кого-нибудь любит, ну - еще не любит, так завтра полюбит, через месяц - всё едино! Тут я понимаю: это жизнь! Разве есть что лучше любви? Ты только подумай - что такое ночь? Все обнимаются, целуются, - эх ты, брат! Это - такое, знаешь... этого даже и не назовешь никак! Действительно - послал нам бог радость...

Вскочив со стула, он говорит:

- Айда, пошляемся по городу!

Небо затянуто серой тучей, моросит дождь, мелкий, точно пыль. Холодно, сыро и печально. Но Сашка, ничего не видя, кутается в свой легкий, летний пиджачок и, не умолкая, говорит обо всем, что схватывают его жадные глаза в окнах магазинов, - о галстуках, револьверах, детских игрушках и дамских платьях, о машинах, конфетах и церковной утвари. Крупные черные буквы театральной афиши бросаются в глаза ему.

- "Уриель Акоста" - это я видел! А - ты? Ловко говорит еврей, помнишь? Только - всё это неправда: в театре они - один народ, а на улице, на базаре - другой. Я люблю веселых людей - евреев, татар, ты гляди, как хорошо татары смеются... Хорошо, когда в театре не настоящее показывают, а что-нибудь издалека - бояр, иностранцев. А за настоящее - покорно благодарю, у самих много! Ну, а если настоящее, так уж во всей правде и без жалости! В театре надо бы детям играть, уж они, когда играют, так по-настоящему!

- Да ведь ты настоящего не любишь?

- Почему? Ежели интересно, так люблю...

Снова выглянуло солнце, неохотно освещая мокрый город. Мы бродим по улицам до вечера, а в час, когда монастырский колокол зовет к службе, Сашка тащит меня на пустырь, к забору сада, который принадлежит строгому чиновнику Ренкину, отцу прекрасной девицы Лизы.

- Погоди меня - ладно? - просит он, вскакивая на забор, точно кошка; уселся на столбе и тихонько свистит; потом, радостно и вежливо сорвав картуз с головы, беседует с девицей, невидимой мне, извиваясь и рискуя свалиться.

- Здравсте, Лизавета Яковлевна!

Мне не слышно, чем отвечают с той стороны забора, но в щель между досками я вижу сиреневую юбку и тонкую кисть белой руки с большими садовыми ножницами в ней.

- Нет, - грустно врет Сашка, - не успел, не прочитал, у меня ведь работа каторжная, ночная, а днем выспаться надо, и - товарищи одолевают. Набираешь букву за буквой и всё думаешь про вас... Да, конечно. Только - я не очень люблю сплошной шрифт, вот - стихи гораздо легче читать... Можно прыгнуть к вам? Почему - нельзя? Некрасов? Да... очень, только у него про любовь мало говорится... Зачем же вы сердитесь? Подождите, - разве это обидно? Вы спросили - что мне нравится, а я сказал, что больше всего - любовь, - она всем нравится... Лизавета же Яковлевна, - постоит...

Он замолчал, свисая в сад, как пустой мешок, потом, выпрямившись, несколько секунд сидит на заборе унылой вороной, похлопывая козырьком картуза по колену. Заходящее солнце красиво освещает его рыжие вихры, ветер ласково треплет их.

- Ушла, - сердито говорит он, спрыгнув на землю. - Обиделась, что я книгу не прочитал, - чёрт ее дери, книгу! Дала какой-то утюг, - книга! Полтора вершка толщины... Идем!

- Куда?

- Всё равно.

Сашка идет медленно, нога за ногу, лицо у него усталое, глаза обиженно заглядывают в окна, освещенные косыми лучами солнца.

- Ведь - полюбит же кого-нибудь, - жалуется он - Вот и полюбила бы меня. А ей надо, чтоб я книжки читал. Нашла дурака! У нее такие глаза, что свету божьего не видишь, а она - читайте книжки! Даже - глупо. Конечно, - я не пара ей... Ну, так ведь - господи! Не всегда же свой своего любит!

Помолчав минуту, он тихонько бормочет:

И долго на свете томилась она,

Желанием чудным полна...

- Да и осталась старой девой, дура!

Я смеюсь, а он, удивленно посмотрев на меня, спрашивает:

- Чепуху говорю? Эх, брат, Максимыч, - сердце у меня растет и растет без конца, и будто я весь - только одно сердце!

Мы снова на краю города, но уже на другом, противоположном краю; пред нами - поле, вдали институт благородных девиц, большой белый дом, за высокой кирпичной решеткой в каменных столбах. Черные деревья окружают дом.

- Книжку я ей прочитаю, это меня не убьет, - рассуждает Сашка. Перспектива... чёрта с два! Вот что, брат, - пойду к Степахе... пойду, положу голову на колени ей и буду спать. Потом - проснусь, выпьем и опять спать. У ней и ночью. А не плохо день сожгли мы с тобой?

Он крепко тискает мою руку, ласково смотрит в глаза мне.

- Люблю я гулять с тобой; и рядом ты и будто нет тебя. Ничему не мешаешь. Это и есть - настоящий товарищ!

Сказав столь сомнительный комплимент, Сашка повертывается и быстро идет назад в город. Руки у него засунуты в карманы, картуз едва держится на затылке, он посвистывает. Такой тонкий, острый, точно гвоздь с золотой шляпкой.

Мне жалко, что он идет к Степахе, но я понимаю - надо же Сашке отдать себя кому-нибудь, надо же ему растратить богатства души своей!

В спину ему уперлись красные лучи солнца и точно толкают парня.

На земле холодновато, в поле - пусто, город тихонько рычит; Сашка наклонился, поднял камень и, размахнувшись, далеко бросает его.

Потом кричит мне:

- До свиданья!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Легкий человек. Максим Горький gorkiytaim.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!